

Станислав Лопатин

Сердце для твари

Станислав Лопатин

Сердце для твари

«Автор»

2026

Лопатин С.

Сердце для твари / С. Лопатин — «Автор», 2026

Переезд в город обернулся для Марины кошмаром: соседка умирает, но возвращается в облике демона, жаждущего нового тела. Спасти девушку берутся странный священник и бывший детдомовец. Им противостоит циничный хирург, создавший нечисть с помощью черной магии и скальпеля. Напряженный мистический триллер о том, что зло не приходит из ниоткуда — ему всегда открывают дверь.

© Лопатин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Тварь	5
Часть вторая. Как забить гвоздь в крышку гроба	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Станислав Лопатин

Сердце для твари

Часть первая. Тварь

Гости потихоньку расходились. Старинные настенные часы в зале пробили одиннадцать ночи. Кто-то из приглашенных соседей благодарил хозяев квартиры за отличный вечер и вкусный ужин, кто-то старался успеть осушить напоследок рюмку-другую «Реми Мартин», купленного ради долгожданного торжества. Всех удивляло, что новые соседи так запросто позвали на новоселье незнакомых людей. От такого внимания веяло далекими и забытыми правилами человеческого бытия.

Марина под медленную итальянскую песню танцевала с семнадцатилетним Мишей – ровесником с девятого этажа, с которым познакомилась в этот праздничный вечер, устроенный родителями. Казалось, что парня знает давно – так легко было с ним общаться. Наверное, она ему тоже симпатична, раз не сбежал и терпит ее целых четыре часа.

Музыка закончилась, и – особенно счастливое мгновение – девушка почувствовала на щеке поцелуй, сделанный украдкой, но решительно. То, что было в мечтах, становилось явью. И от этого на глаза вдруг навернулись слезы. Миша заметил и ладонью легонько смахнул их.

— Извини, но ты мне правда нравишься, – поспешил он объясниться, думая, что обидел девушку. – Теперь мы сможем часто видеться, если, конечно, твои предки не решат снова переехать. Нас разделяют всего лишь два этажа да предстоящие экзамены, которые, вообще-то, меня мало волнуют.

— Хочется верить, что все будет именно так. Не извиняйся, – Марина, еле сдерживая волнение, по-быстрому чмокнула юношу в губы. – Родители давно хотели переехать в высотный дом. После поселковой жизни им это кажется пределом мечтаний. Так что уезжать не собираюсь. Пока. Но ведь и перемена мест роли не играет, если все будет на позитиве, верно?

Когда ушел последний гость, мать поглядела на гору посуды на столе и обреченно вздохнула.

— Ничего себе познакомились с соседями. Господи, я и не представляла, как их много даже на одном этаже – все равно всех позвать не получилось бы. Но ты не выдумывай, сама справлюсь, – остановила она дочь, которая уже надевала фартук. – У тебя сегодня много новых впечатлений. Не хочу, чтобы ты их портила. А что, хороший мальчик?

— Ну, мама, прекращай, – смутилась Марина, застигнутая врасплох вопросом.

— Ладно, я только спросила.

— Я, видимо, что-то пропустил? – поинтересовался только что вернувшийся отец, который провожал домой припозднившегося гостя. – Эх, не поспеваю за событиями и своими девушками.

— Папа, это город, здесь жизнь течет быстрее. Так что нормально, что ты не успеваешь, – дочь, улыбаясь, обняла его и отправилась в свою комнату.

— Мужчина с верхнего этажа тоже говорил что-то подобное и лепетал про какие-то местные странности и про то, что необходимо быть осторожнее. Просто предупреждаю на всякий случай.

— Ха-ха, очень смешно. Папа, ты забываешь, что я уже взрослая, и меня вот этим всем уже не напугаешь.

Марина закрылась у себя и бухнулась на новую кровать, с удовольствием раскинув руки в стороны. Красота – наконец-то собственная комната, и к тому же с замком! Проходной двор закончился. Это большой плюс переезда. А сегодняшнее знакомство вообще все удваивает.

Радостью хотелось срочно с кем-нибудь поделиться. Конечно, в это время Аня уже спит в своем поселке. Но если подруга хочет высказаться – это святое, и сон можно прервать.

Трубку взяли со второго раза. Недовольный заспанный голос старался быть вежливым:

— Милая, кредит-епендрит, обрати внимание на часы, если они у тебя есть, конечно.

— Зачем?

— Уверю, ты сильно удивишься.

— Ой, ну извини, что разбудила. Хватит дуться, у меня очень важное сообщение, которым могу поделиться только с тобой. Ведь ты меня всегда понимаешь, ты самая лучшая...

— Ладно, Мара, не подлизывайся, говори скорее, что там у тебя стряслось.

И Марина рассказала вкратце о новоселье, а потом почти полчаса посвятила Мише. Возможно, могла продолжать еще дольше, но слушать про сплошные достоинства незнакомого юнца Ане надоело.

— Поздравляю, Мара, ты сошла со ума.

— Что?

— Нет, в хорошем смысле слова. Все нормально. Это все-таки с тобой произошло. Тот момент, когда чувства к человеку затуманивают мозги, и прекрасен, и опасен – можно натворить дел. Чем спокойнее его переживешь, тем быстрее продвинешься в личных делах. Время это покажет.

— Мне некогда ждать, я и так старая – уже семнадцать лет. Да, конечно, не восемьдесят, но все же.

— Вот что, сейчас поздно. Давай действовать по сказочному методу. Фразу «Утро вечера мудренее», надеюсь, помнишь? А завтра проводи простой тест. Если на второй день знакомства парень поцелует тебя при встрече – видать, скоро оставит. Если после – значит, все серьезно.

Утром невыносимо долго тянулось время. Правда, отец не успел позавтракать, а мать впопыхах выбежала к заехавшим за ней коллегам из больницы, забыв в прихожей ключи от квартиры. Что ж, прогулка вечером отменяется, иначе некому будет пустить ее домой. Мать как пчелка – вся в заботах, грех обижаться. Еще молодец, выглядит при этом на тридцать в свои сорок пять лет.

В дверь постучали. Наконец-то Миша! Он удивительно точен. Нужно придумать какой-нибудь специальный сигнал на всякий случай. Но это потом, а сейчас – тест. Главное, не показывать волнение... А вдруг вообще не поцелует?

— Привет, май фрэнд, ты меня помнишь, или шузы случайно привели сюда? – Марина старалась казаться современной.

— Такое красивое лицо не забудешь, – сказал юноша и поцеловал ее в щеку. – Только давай без гламура. Тебе это не идет. Эй, это дружеский совет. Чего ты так расстроилась сразу?

Мише было невдомек, что сейчас он провалил важный тест. Теперь ему больше чем на дружеские отношения, можно не рассчитывать. Аня как в воду глядела, засомневавшись в Мише. Жаль, так хорошо все начиналось. А может, не все еще потеряно? Зачем делать поспешные выводы?

— Ничего, все нормально – совет принят к сведению. Постараюсь больше не выглядеть глупо, – налетевшая на Марину грусть сменилась улыбкой. – Из школы также идем вместе?

— А то, – Миша обрадовался смене настроения подруги. – Мы, кстати, могли бы вместе готовиться к экзаменам.

— Только не у тебя – мама не разрешит.

Солнце расщедрилось на тепло после нескольких холодных дождливых дней. Благоухала сирень, как бы призывая забыть о делах и погрузиться в безмятежность. По дороге к школе ребята кое-как обогнали пожилую женщину, которая неспешно шла по центру и не давала возможности для маневра даже встречным прохожим. Висящий на плече Марины рюкзак слегка ее задел.

— Никакого уважения! Буром прут, того и гляди снесут! Наглые, даже не извинятся! – поднялась сзади ребят буря возмущений.

— Эй, бабка, отстань! – через плечо бросил Миша.

— Я тебе покажу бабку, гаденыш! – старуха погрозила кулаком.

— Пожалуйста, извините меня, – приостановилась Марина. – Но вас действительно было трудно обойти.

Тут она поймала такой взгляд бабки, от которого пошли по коже мурашки. Казалось, каждая из многочисленных морщинок излучала злость. А крупная бородавка возле правого глаза тряслась в такт нервному тикю. Марина испуганно схватилась за руку одноклассника.

— Хочешь сказать, я объемная и уродливая? – зашипела старуха.

— Пойдем отсюда, – потащил девушку прочь Миша. – Здесь одноразовой медицинской помощью не обойтись.

Ребята прибавили шаг. Через несколько секунд гневные слова заглушил детский гомон на пришкольном дворе. Можно вздохнуть с облегчением, но у Марины было плохое предчувствие.

День прошел напряженно. Встреча с новым классом – еще тот стресс. Правда, Миша постоянно оказывался рядом и выручал из сложных ситуаций. Учителя – не лучше. Будто разом забыли, что в жизни не все складывается, как хочется. Каждый выпытывал, зачем сменила школу под конец учебы, а после ответа сердобольно качал головой и уверял, что экзамены теперь точно не сдать.

Город показывал зубки, и ему надо было срочно продемонстрировать свои. После очередного вопроса Марина огрызнулась: «Не ваше дело». Мимо куривших на улице одноклассниц, которые презрительно смотрели на новенькую, она демонстративно прошла, показав средний палец. Это могло плохо кончиться, не будь рядом друга. Миша, как громоотвод, гасил проблемы в зародыше.

— У тебя все так легко получается. Другой пришлось бы сильно постараться, чтобы за день испортить со всеми отношения, – юноша укорил Марину, когда они возвращались домой.

— Как видишь, у меня талант. Могу давать мастер-классы.

— Конечно, часть из них этого заслуживает, не спорю. Но где твое чувство самосохранения? Дурочка, а вдруг меня не будет поблизости. Так что прошу, включай иногда свой ум.

— Короче, я люблю и берегу свой ум. Поэтому он у меня когда надо, включается, а когда не надо – выключается, – парировала недовольная девушка. Нотаций от Миши она не ожидала услышать.

Хотя на улице еще было светло, бронзовая, с красноватым отливом луна в полную величину уже села на крышу соседнего дома. Она вызывала одновременно чувство тревоги и ощущение чего-то нереального, колдовского.

— Ого, я такой луны еще не видела. Какая огромная!

— А давай ее рассмотрим поближе.

— Это как?

— Да с крыши. У меня ключ есть. Только, слышишь, никому не рассказывай.

— Хорошо тебе без суперконтроля – родители в командировке. А мои здесь. Ой, у меня же мать ключи забыла. Блин, пойдем скорее.

Мама Марины уже стояла возле подъезда и с кем-то вела оживленную беседу. Пока никто не видит, Миша поцеловал девушку прямо в губы и тут же забежал в подъезд со словами:

— Если надумаешь, приходи. Такое зрелище может быть единственным в жизни.

— Вот и моя дочь, думала, не дождусь, – заметила Марину мать. – Знакомься, это наша новая соседка Ираида Карловна. Она тоже недавно переехала сюда, как и мы.

Собеседница повернулась к девушке. Это была та самая старуха, с которой утром произошёл конфликт. Крупная бородавка на ее глазу опять задергалась.

— А-а, черноглазая красавица с роскошными кудряшками и очаровательной чистой кожей. Хороша, нечего сказать. Кстати, соседка, это вот она меня сбила с ног. И вместе со своим дружкой обзывала уродиной, – голос старухи был глухим и походил на мужской.

— Марина, что я слышу! – ахнула мать. – Быстро извинись перед тетей Идой. Неужели Миша на тебя так плохо влияет?

— Короче, не буду я извиняться. Она все врёт!

— Ага, значит, мальчик тоже здесь живет? – уточнила тетя Ида.

— Да, на самом верхнем этаже, – мать Марины посмотрела на окна квартиры юноши.

— Знаете, мне извинения ваши не нужны. Сейчас напишу заявление, завтра в полицию отнесу – пусть разбираются.

— Вы что, правда, так сделаете? Да простите их, Бога ради. Они же молодые, глупые. Им еще экзамены надо пережить.

— Что ж, посмотрим, как у них это получится.

— Вы скажите, может, вам что-то нужно?

— Молодые, здоровые руки, – сказала бабка так, будто ожидала этого вопроса. – Помощь мне по хозяйству требуется. Смотрю, на вас крестики надеты – вот и помогайте ближнему, пока не скажу «хватит», – включила хозяйский тон старуха, скривив губы и надменно задрав нос.

Марина умоляюще глянула на мать и отрицательно повертела головой.

— Тут такое дело, пока дочь не может, я буду убираться в квартире. Устроит? – решила найти компромисс женщина.

— Приходи, дорогая, в тебе тоже больше здоровья, чем во мне. А пока возьми-ка вот, угостись, – тетя Ида протянула несколько леденцов, а один сунула себе в рот и стала смачно причмокивать.

Марина могла поклясться, что видела злорадную ухмылку на ее лице. Громкие звуки обсасывания леденца бесили. Казалось, старуха делает это нарочно. Непонятно, в какой момент появилась такая жуткая раздражительность. Она едва не отвлекла от главного вопроса – как понимать второй поцелуй? Ответ нужен был срочно.

Дома, забежав в свою комнату, Марина сразу стала набирать номер Анюты. Сердце колотилось от волнения. Закрытая дверь заглушила мамино негодование: «А разуться?»

— Милая, я догадываюсь, почему ты звонишь, – начала первой Анюта. – Вероятно, тест прошел не по плану, верно? Ну, на то она и жизнь. Всегда непредсказуемая, с множеством вариантов. Рискну предположить, что юноша тебя поцеловал два раза.

— Да, утром и вечером после встречи. Это как трактовать-понимать? Твой тест дурацкий, Анюта, он не работает.

— Послушай, Мара, и такой вариант тоже есть. Просто я надеялась, что его удастся избежать.

— Что это значит? Миша меня может бросить, но в то же время сам того не хочет, так что ли?

— Вот ты сама и ответила.

— Но как такое возможно? Если только он не...

— Скорее всего, да. Мне очень жаль.

— Короче, не верю я тебе, подруга.

Разговор прервала вошедшая в комнату мать. Она уже несколько раз стучала, но ответа не дождалась.

— Хватит разговаривать, давай-ка сюда свой телефон. Один вечер проведешь без него – это будет тебе наказанием.

Дочь послушно отдала гаджет. Пускай Аня теперь сколько угодно названивает и продолжает рассказывать про свой глупый тест – нарвется на маму и успокоится. Марина не хотела слышать про бредовый вариант с возможным исчезновением Миши из ее жизни. А ведь он, наверное, ждет звонка. Нужно предупредить его, чтобы не рассчитывал сегодня на прогулку.

— Мама, прошу, дай смартфон, мне еще один звонок надо сделать. Очень-очень важный.

— Ну-ну, сейчас один, потом еще один. Дудки, потерпишь, коли уж провинилась.

Просьбы продолжались, и мать, демонстративно прикрыв ладонями уши, вышла из комнаты. Задержись она на несколько лишних мгновений – станет жалко дочь, и пострадает родительская принципиальность. А ведь именно эти мгновения могли стать губительными для Марины.

Утро было явно недоброе. Будильник не прозвенел – батарейка в часах села. На улице лил проливной дождь. Отец смолил прямо в квартире, и мать его не ругала за сигарету.

— А почему меня никто не будит? – спросила Марина, высунув заспанное лицо из комнаты. – Я же в школу опоздаю.

— Думаю, сегодня тебе стоит посидеть дома, – печально посмотрела на нее мать. Она порывалась что-то сказать, но сдерживалась.

— Мам, что-то случилось?

— Послушай, ночью возле дома нашли тело соседского мальчика. Вероятно, упал с крыши.

— Господи, это же не...

— Да, это он.

— Откуда ты знаешь?

— Сама вызывала своих коллег.

— Не верю, это не может быть правдой!

— Я отпросилась, с тобой побуду. А ты возьми свой телефон. Там сообщения от него. Одно какое-то странное. Может, знаешь, о чем идет речь?

Марина выхватила из рук матери смартфон и закрылась в комнате. Миша в эсэмэсках писал: «Причаливай за романтикой, здесь классный вид», «Луна вообще супер – это надо видеть», «Место для наблюдений готово – тебе понравится».

Последнее сообщение действительно было очень странным: «Что-то похожее на человека, глаза горят красным, ползет по стене, заглядывает в окна. Я такое только в кино видел. Кажется, оно меня засекло». По телу Марины пошли мурашки. Ей показалось, что она ощутила тот же страх, который испытал ее друг на злополучной крыше. Но что там произошло, так и осталось загадкой.

Несчастный случай попал в теленовости. Журналисты уже успели побывать в их школе.

— К сожалению, не каждый выпускник может справиться с тем напряжением, которое возникает перед экзаменами, – высказала свое мнение журналистам директор школы, поправляя прическу. – Думаю, виноваты родители. Надо следить за своими детьми, а не мотаться по заграничным командировкам.

Боже, кого же она напоминает? Точно, Ираиду Карловну. То же безразличие к окружающим, исключительность своего мнения и та же уверенность в своей правоте.

Вспомнился вчерашний разговор с соседкой. Может, это она так сильно напугала Мишу полицией? Да ну, ерунда какая-то. Он даже разговаривать не стал бы с ней. И к тому же последней была эсэмэска про какое-то существо на доме, которое заглядывало в окна. Что это было?

И не приползет ли оно в следующий раз сюда? Кому-то говорить об этом бесполезно. Все спешит на подростковые выдумки.

Марина вспомнила первый поцелуй Миши на новоселье и разрыдалась. Комнату она не покидала почти весь день. Мать чувствовала и свою вину в случившемся, поэтому не тревожила дочь, только оставила на столе несколько приготовленных блюд – вдруг проголодается, а сама пошла помогать по хозяйству соседке, как обещала.

К вечеру дождь перестал лить, из окна пахло сыростью. Марина не сразу поняла, что проспала несколько часов. Организм выбрал сон – лучшее лекарство от стресса. Девушка поднялась с кровати и ахнула – на подушке лежал выпавший клочок волос.

— Я что, линяю? – изумилась вслух Марина и поспешила к зеркалу на дверце своего шкафа.

Ее волосы стали какими-то серыми, блеклыми. Но больше поразили не они, а изменения, которые произошли с лицом: по еще недавно гладкой, чистой коже расползались невесть откуда взявшиеся прыщи. Некоторые были темно-лилового, почти черного цвета.

Марина стала лихорадочно искать причину. Может, аллергия? Или реакция на сильные переживания? И то и другое возможно. Но чтобы так внезапно! В маминой аптечке нашлось какое-то антигистаминное средство. Девушка, не раздумывая, выпила пару таблеток.

И ведь пожаловаться некому – дома одна. Отца по работе вызвали в другой город. А мать, сто процентов, пошла к тете Иде. А кстати, чего она застряла у соседки? Пора бы уже вернуться.

Поднявшись на восьмой этаж, девушка хотела постучать в дверь, но заметила, что она не закрыта. Мать сидела в комнате за накрытым столом с разными яствами и выслушивала Ираиду Карловну, которая жалобным голосом, со слезами что-то рассказывала.

— А-а, вот и дочка пришла тебя сменить, – заметила соседка Марину в дверном проеме. – Иди к нам сюда, не бойся.

— Мы тут новоселье тети Иды скромно отмечаем, – пояснила мать. – Только что-то у меня голова кружится – надо прилечь. Вроде чуть пригубила вино. Наверное, просто устала за сегодняшний день, – она встала из-за стола. – Ты побудь здесь недолго. И смотри мне, не груби. Представляешь, наша соседка клиническую смерть пережила во время пандемии. Это ж надо. Не пойму, что у тебя с лицом. Ладно, дома расскажешь, – последние слова прозвучали вообще без эмоций, что сильно насторожило девушку.

— Признавайтесь, что вы сделали с матерью? Она сама не своя, – Марина стала наседать на соседку, оставшись с ней наедине.

— Ничего не знаю. Она пришла, все перемыла, почистила, потом сидели, разговаривали, угощались – вон, на столе всего полно. Хочешь торт или яблоко? – заискивающе затараторила Ираида Карловна, а потом тут же сменила тон на более грозный. – А чего это я перед тобой оправдываюсь, паскудница? Разве не ты ли, Мариночка, должна извиняться да ножки мне целовать, что в полицию не пошла? – голос у старухи был уже не таким глухим, как вчера. Да и на старуху она не тянула – на лице почти все морщинки разгладились.

Девушка опешила от такого выпада, но собралась с духом и, отбросив всякую вежливость, напрямую спросила:

— Хочу знать, это ты погубила Мишу, мальчика, с которым меня видела? Короче, я не верю, что он сам прыгнул с крыши.

— Ишь, как заговорила! Смелая против одинокой пожилой женщины! – побагровела от злости соседка. – Сама узнаешь – всему свое время. Лучше успокойся, сядь и перекуси. У меня правило – гостей без угощения не отпускать, – тетя Ида сделала еще попытку усадить Марину за стол.

— Боже, да как я сейчас могу думать о еде!

— О, кого ты вспомнила? – скривилась соседка. – А знаешь, мне доктор в реанимации сказал: «Ваша вера в Него такая же, как и вера в прививки – авось поможет». Когда я в палате очнулась, то поняла, что Он здесь ни при чем.

За окном со всей силы гроыхнуло в небо. В квартире погас свет – вероятно, молния задела подстанцию. Марина заметила какое-то движение в комнате. Блюда на столе выглядели протухшими и кишели тараканами и червями. Какой-то живой сгусток плавал в бутылке вина, которое Ираида Карловна наливала матери. Ужасное зрелище длилось несколько секунд, пока снова не зажглась люстра. Неужели привиделось?

— Уже поздно, пожалуй, мне пора, – попятилась к двери Марина.

— А ну стой, я с тобой еще не закончила, – перегородила путь тетя Ида, вцепившись ей в плечи. Длинные острые ногти больно кольнули.

Перепуганную увиденным девушку было не остановить. Она с силой толкнула соседку на стол, заставленный блюдами, а сама бросилась бежать домой. Когда уже закрывала дверь своей квартиры на все замки, сзади раздался истошный вопль.

Дома во всех комнатах горел свет. Мать не вышла навстречу, мертвецкий сон ее свалил прямо в уличной одежде. Марине показалось, что она почему-то выглядит старше своих лет, но списала все на усталость. Будить не стала, хотя очень хотелось рассказать о своем странном видении у соседки.

Конечно, лучший вариант – позвонить Анюте, учитывая ее познания. Но Марина продолжала злиться на нее из-за теста: как всегда, оказалась права. А сейчас это признавать было намного тяжелее. И все же поговорить нужно – странные события бросали в дрожь.

— Прости меня, Анюта, прости. Все так и случилось, кассандра ты хренова, – не дав собеседнице шанса ни на единое слово, начала Марина. – Еще раз прости. За кассандру – вдвойне. Вырвалось. Только не перебивай, пожалуйста, и слушай. Я злюсь на тебя, хоть ты и не при чем. Я злюсь на себя и на всех, кто мог хоть как-то предотвратить несчастье. Я злюсь на весь мир и даже на самого...

— Мара, что-то я тебя не узнаю! Остановись, не произноси того, о чем пожалеешь, – строго потребовала подруга. – Эмоции меньше наносят вреда, чем слова, которые имеют силу и обратную реакцию. Говори, из-за чего паника.

Во время сбивчивого рассказа Анюта несколько раз уточнила обстоятельства. А в конце от ее тяжелого вздоха повеяло безысходностью.

— Кредит-эпидрит, как это тебя угораздило, милая? Теперь нам угрожает опасность. Бедный Миша написал про тварь и был прав. Первое впечатление, как известно, самое верное. Вы привлекли ее внимание, и теперь она охотится. Не знаю почему, но полнолуние у тварей – самый активный период.

— Слушай, дорогая моя Анюта, подругам обычно звонят, чтобы их выслушали, утешили, а не пугали. Но ты же никогда так не могла. Как выдашь напрямую – хоть сразу в гроб ложись, – пробурчала Марина, стоя возле своего зеркала и замазывая каким-то забугорным чудо-средством увеличившиеся на лице прыщи. – И как же это мне раньше нравилось в тебе? Ладно, рассказывай, что за существа?

— Ага, теперь ты, Мара, постарайся не перебивать, потому что времени мало. Итак, твари внешне похожи на людей. Только без души – это главная отличительная особенность. Да ты с такими встречалась не раз. Они ненавидят все вокруг, больше всего заботит власть, богатство. Искусство раздражает, животных ненавидят. В народе их как-то разделяют на колдунов, упырей, оборотней. Главное, когда другим хорошо, этим плохо, их раздражает желание любой ценой забрать то, что хочется в данный момент. Они, как лярвы, высасывают энергию, жизненные силы. Чем-то сами пользуются – скажем, молодеют и здороваются, куда остальное уходит, не знаю. Будто в черную дыру, возможно, своему хозяину. Пойми, это уже не люди, а их

оболочки, болванки, которые, наверное, догадываешься, кому служат. Ему и жертвы приносят. От количества зависит значимость твари. Кстати, им проще этим заниматься, имея как раз большую власть. Другая цель их существования – создавать себе подобных, то есть затваривать людей. Обманом, наваждением, через мерзость, чаще через убийство. Вот почему душегубы, потерявшие человеческий облик, заставляют сообщников убить невинного человека, чтобы доказать преданность. Каждый должен нанести рану несчастному, замарать себя и стать такой же тварью. Про закон Омерта слышала?

— Хочешь сказать, что все они раньше были нормальными людьми?

— Не все. Кому-то не повезло – душа не смогла развиваться с рождения. И это среди тварей самый безобидный вариант. Некоторые могут прожить, не зная о себе правду, доставляя всю жизнь людям мелкие гадости. Хуже те, кто бездумно меняют душу. Когда кто-то принципиально говорит, что отдаст все за свое желание – считай, подписал договор. Словами бросаться нельзя. А знаешь, где больше всего обитает тварей? В городе. Здесь они смешиваются с остальными жителями и продолжают думать, что они люди. А вот твой случай самый опасный. Запомни, светлые редко кого возвращают в наш мир. Должна быть очень уважительная причина.

— Короче, ты говоришь про нашу соседку Ираиду Карловну? Она, по-твоему...

— Определенно, тварь. Мара, ты могла о ней и не услышать. Но не зря есть пословица: не тронь, так и не воняет. Ты говоришь, что она выжила после клинической смерти. Мы не знаем, что бывает по ту сторону, кто отправляет обратно, с кем заключается договор. Думаю, соседка тоже. Вряд ли она в курсе, что в ней сидит демон.

— Что, какой демон?

— Проклятую пандемию точно создавал кто-то заинтересованный плодить демонов на земле. Зато понятно, откуда ведьминские способности наводят порчу. Доказательства – на твоём лице.

— Анята, пожалуйста, только не говори, что это на всю жизнь, – забеспокоилась Марина. После всего услышанного она начинала осознавать ужас своего положения. – Может, существует какое-нибудь противоядие или антипорча, ну, типа антивируса для компа? А если честно, что делать? Боже, теперь и выходить опасно?

— И дома находиться тоже. Ты же помнишь, Миша написал, что ночью кто-то в окна заглядывал. И это точно не сказочная Снежная королева. Хотя кто его знает, что на самом деле было известно Гансу Андерсену... Мне как-то расхваливали способ, который может отпугнуть злой дух. Сама не пользовалась, но, думаю, вполне подойдет. Записывай и помни, что защиту надо поставить прямо сейчас.

Через полчаса был склеен картонный кубик с вырезанными «оконцами» по сторонам и вставленным внутрь под углом в сорок пять градусов карманным зеркальцем. Чтобы он оказался по центру окна, пришлось соорудить башенку из книг и коробок. Ненадежно, конечно, но время поджимало.

Настенные часы в зале пробили на всю квартиру одиннадцать ночи. «Какой раздражающий звук. Пора бы их заменить», – подумала Марина. Она легла в кровать и накрылась с головой одеялом, оставив небольшую щелку для наблюдения за окном. Казалось, бестолковый детский прием, но действует всегда эффективно, если чего-то боишься.

Ближе к полуночи глаза стали закрываться. Ничего не происходило. В окно заглядывала полная луна и светила в глаза ярко, как фонарь. Нарастала злость на Аняту за глупую лекцию и на себя за то, что повелась на ее развод. А поделка на окне – дурнее не придумаешь. Короче, надо убрать ее и не позориться.

Прежде чем разобрать конструкцию, Марина открыла оконную створку и глянула вниз. Теплый майский ветер едва покачивал деревья, в большой луже на безлюдной улице отражалась луна и два красных огонька приближались откуда-то сверху. В воздухе появился запах

серы и нечистот. Прямо над головой будто что-то пролетело. Возможно, одна из летучих мышей, которые прекрасно чувствуют себя в городских высотках.

В следующий момент появилось ощущение, что кто-то сбоку трогает за волосы. Марина резко повернулась и увидела перед собой... Ираиду Карловну. Вернее, ее лицо, потому что все остальное тело без одежды было совершенно чужое – какое-то вытянутое и худющее, с похожими на паучьи лапы руками и ногами. Красные глаза горели как угли – то ярче, то угасая. Существо перемещалось по вертикальной стене, как по ровной земле. Оно принялось и изобразило что-то вроде улыбки, такой дьявольски жуткой, что даже крик не мог вырваться из груди, как порой бывает в кошмарных снах.

Резко закрыв окно, Марина отпрянула от него где-то на метр и стала ждать, что произойдет дальше. Бежать все равно бы не получилось – страх обездвижил ноги. Демоническое существо с лицом старухи попыталось заглянуть в комнату, но заметило в несуразной конструкции зеркальце, отражающее лунный свет. Заинтересовавшись, подобралось поближе. Удивленный вид быстро сменился на страдальческий, затем на злобный. Следующей стадией стал невообразимый испуг, после чего жуткая тварь метнулась вверх и исчезла.

Девушка еще несколько минут напряженно смотрела на окно. Все, что произошло за ним, было невозможным, чем-то нереальным. Мозг отказывался верить. Когда Марина поняла, что все закончилось, в глазах помутнело, и она тихо опустилась на пол.

— И чего ты тут разлеглась? Кровать же есть. А вообще, уже пора вставать, – растормошила Марину мать. – Мне напомнить, что тебе пора в школу, а мне на работу?

Марина протерла глаза и, поднявшись, перебралась на кровать. Вместе с утренним светом улетучились ночные страхи. Только голова болела и жутко хотелось спать.

— Сегодня снова останусь дома, – заявила Марина. – Как я покажусь в школе с таким лицом? Как я вообще выйду на улицу? Ты только глянь!

— Ну, смотрю. Пара-тройка небольших подростковых прыщиков – это не беда. Так что нечего придумывать отмазки, поднимайся, – потребовала мать.

— Да ты сдурела! – крикнула на нее дочь и подбежала к зеркалу на дверце шкафа. Надо же – лицо было практически чистым. Мама тоже выглядела как раньше.

— Ай-яй-яй, таких слов я от тебя раньше не слышала, – покачала она головой и обратила внимание на башенку с картонной конструкцией на окне. – А это что еще за ерунда? Давай-ка быстренько наведем порядок, нечего хлам раскидывать.

— Не трогай, дура, отстань! Ты ничего не понимаешь! – разозлилась девушка. Она подбежала к окну и загрозила его собой.

— Вот опять двадцать пять. Так дело не пойдет. Понимаю, у тебя горе, но и вся жизнь впереди... Да и горе не только у тебя, – мать вышла из комнаты и в сердцах хлопнула дверью.

«И ладно. Хоть приставать с расспросами не будет», – успокоила себя Марина.

Только хотела набрать Анюту, как от нее самой пришел звонок.

— Что, любопытство распирает? – схватила трубку девушка. – Обычно ты первая не звонишь. Хочешь узнать, как прошла ночь?

— Привет, Мариночка. Ну, конечно, хочу, – ответила подруга.

Девушка рассказала ей про все, что происходило после полуночи. Попыталась как можно подробнее описать увиденное существо, добавив, что еще одной его атаки на квартиру не переживет. И заодно поблагодарила за совет, который действительно сработал.

— Мне кажется, тот демон сам себя испугался в отражении, – предположила Марина.

— Так и есть. Ты очень догадливая. Теперь, когда его прогнала, можешь успокоиться – он больше не вернется.

— Ты уверена?

— Да, не вернется, уж поверь. Так что мать права, можешь освободить окно. И не спорь с ней.

— Хорошо. А откуда ты знаешь про нашу стычку?

— От верблюда. Хочу спросить, пойдешь ли ты после всего этого в церковь?

— Зачем?

— Например, свечку поставить. Все-таки избавление получила.

— Ты же знаешь, я не хожу в храмы. Несколько лет назад меня выставили за дверь, когда я хотела свечку поставить в переполненной церкви. Все смотрели как на прокаженную и шептались: «Она левой рукой передала». Для меня это было как выпить стакан сладкого сока с острой бритвой на дне.

— Да, жестоко. Не понимаю, чего ты тогда крестик все еще носишь?

— Хочешь, прямо сейчас сниму?

— Чуть не забыла. Будешь освобождать окно, заодно посмотри в зеркало. Если оно мутное, тебя не отражает, значит, могло не сработать.

В комнату снова вошла мать и остановилась на пороге, услышав, что дочь говорит по телефону.

— С кем ты там разговариваешь? Клади трубку! – резким тоном приказала она. – Я думала, за мной приехали коллеги, а к нам пришли из полиции, между прочим.

— Мам, не мешай... Анюта, оно чистое. Только в нем все движется.

— Глупая, оно же все отражает. Так и должно быть.

— Дочь, ты снова с бабой Нюрой разговариваешь? Но ведь она же умерла сегодня ночью, – испуганно произнесла мать.

— Что за бред? Вот же она. Можешь тоже с ней поговорить.

В трубке раздался булькающий злобный хохот. Потом кто-то зловещим шепотом произнес: «Вадэ мэкум». Связь на этом прекратилась.

— Мама, это правда? Что произошло? Почему ты об этом мне не сказала? И с кем я тогда разговаривала сейчас? – Марина была ошарашена. – И что такое «вадэмэкум», с ударением на третий слог?

— Ну да, вспомнила про мать. Я пыталась тебе сообщить, а ты вон как на меня с утра накинулась. Скажу коротко – ванна, сердце, горячая вода. В общем, обварилась твоя обожаемая баба Нюра. Да, у меня были с ней натянутые отношения – еще бы, дочь ей доверяет больше, чем мне. Но мне тоже очень жаль. Сейчас отец спешит домой из-за своей матери. А с тобой следователь хочет поговорить насчет соседки с восьмого этажа. Ты только оденься прилично.

Флегматичный майор внимательно выслушал рассказ девушки про посещение тети Иды и спросил:

— Вы что-нибудь из лекарств принимаете?

— Ничего противозаконного, только из аптечки своей матери.

— С ней мы еще разберемся. Но вы были последней, кто видел Ираиду Карловну живой.

— А что, она умерла?

— Да, от удара головой о край стола, на который вы ее толкнули. Бедная женщина, она умирала всю ночь. Дверь была не заперта. Соседи заглянули в квартиру, увидели труп и вызвали нас.

— Да это же старая карга, кому до нее есть дело. Наконец-то она сдохла.

— Хорошо, так и запишем: «Наконец-то она сдохла».

— Вы не понимаете, она – не человек. В нее вселился демон, который людей убивает. Мой Миша как раз из-за нее погиб.

— Это парень с верхнего этажа? Так я и по тому делу веду расследование. И скажу, что вам повезло, – майор вытащил из кармана брюк сложенный тетрадный листок. – Видно, юноша в каком-то сообществе состоял, призывающем к суициду. У них считается круто как можно

больше людей забрать с собой. Послушайте, какую он за вас прощальную записку в стихах оставил на крыше:

Я монотонность не приму
От спешки жизненного хода.
Что через день? Я как в дыму,
И сквозь него не видно брода.
Я жизни смерть предпочитаю
И новых жизней не желаю,
Я продолженья не хочу
И потому к земле лечу.

После услышанного Марина презрительно глянула на майора:

— Признайтесь, это вы все сами придумали? Ну и стремно же.

— Девочка, мне некогда стихи сочинять. Я с подонками вожусь, или с тварями, про которых ты мне только что втирала, – майора, привыкшего к покорным собеседникам, задел дерзкий вопрос, и он забыл про напускную вежливость. – Проедешь со мной и дашь показания. Пока как свидетель.

— Да пофиг, все равно, поехали, – с безразличием в голосе ответила Марина.

Девушка пришла к странному для себя выводу: если ей никто не верит, то и она может никому не верить, все существование – ложь, декорация, а если так, то и нечего бояться, просто следует доверять хозяину и выполнять все, что он скажет... Стоп! Какому хозяину?

— Марина, подожди! – догнала мать на лифте дочь уже внизу и что-то незаметно сунула в руку. – Я узнала, что означают два слова «вадэ мэкум». Это призыв на латыни: «Иди со мной». Так вот что, значит, покойная бабушка говорила тебе по телефону.

— Это уже была не Анюта, – сказала Марина, не оборачиваясь.

При выходе из подъезда она заметила носилки с закрытым простыней телом. Наверное, Ираида Карловна. Ну и запах! Не видеть бы ее больше. А лучше вообще никогда. Но следователь кобурой зацепился за простыню и нечаянно стащил ее.

Марина глянула на лицо тети Иды. Оно было таким умиротворенным, будто старуха с нетерпением ждала своей кончины. Вдруг бородавка затряслась на правом глазу, и он открылся. Ираида Карловна устала на девушку.

— Ух ты, стерва. Я так долго натягивал веки, – подскочил санитар из труповозки. – Она вас напугала? – посмотрел он на побледневшую Марину и снова начал возиться с веком у трупа.

— Да степлер возьмите. Так будет надежнее, – зло рассмеялась девушка, открывая дверь машины следственного комитета.

Ей показалось, что за спиной торжествующе прошипел голос Ираиды Карловны:

— Теперь ты наша!

Уже в машине девушка разжала кулачок и увидела свой крестик и записку с одним словом: «Верь».

Она перебрала в памяти последние события и вспомнила, что действительно видела у Миши тетрадку, куда он записывал свои стихи. Листок, показанный майором, явно был вырван оттуда. Да и в квартире Ираиды Карловны все происходило не так, как представляет следователь. Конечно, толкнула со страху и, конечно, сильно. Но старуха лишь слегка завалилась на стол и свезла на пол несколько блюд. Вероятно, сама потом на них и поскользнулась.

Марина еще раз глянула на записку и, недолго думая, все же надела крестик со словами: «Прости, мама, утро вечера мудренее». На глаза навернулись слезы, от которых почему-то стало легче.

Часть вторая. Как забить гвоздь в крышку гроба

Пух одуванчиков взметнулся вверх с растений, потревоженных беззаботной рукой. Птицы наперебой предупреждали о вторжении. Выглядывавшие из гнезд глаза с любопытством рассматривали чужака. Парень в выдавшей виды зеленой ветровке и спортивных штанах, нацеплявших колючек с засохшего чертополоха, легко преодолел подъем тропинки через балку и вышел из перелеска. Новая кроссовка, готовая поддеть изогнутую ветку в пыли, вовремя остановилась. Замершая на дороге серая гадюка зашевелилась прямо под ногой и, пошипев для острстки, поползла по направлению к местному храму.

Молодой человек перевел дух. Внезапный приступ страха вызвал у него нервный смех. Серьезно, испугаться какой-то ползающей твари? Хорошо, хоть никто из своих не видел. Отец не одобрил бы. Да и мама, наверное, тоже. Парень порылся в своей холщовой сумке, сливавшейся по цвету с ветровкой, и пошел дальше, хрустя свежим яблоком.

Полуденное солнце начинало припекать. Хотелось быстрее спрятаться от него. В старом кирпичном храме уж точно прохладно. Возле забора вокруг церкви отцветала сирень. Ее кусты выглядели дополнительной живой оградой. Калитку не сразу удалось разглядеть в зеленых зарослях. За ней оказалась поразительно ухоженная территория с песчаными дорожками и цветником с белыми розами почти до самого входа в церковь. Бросить здесь огрызок рука не поднялась. Зато поднялась, чтобы отшвырнуть его как можно дальше.

Нечаянно меткий бросок качнул колокол, установленный сбоку от храма. На его ленивый удар вышел высокий, статный батюшка в черной рясе с наперстным крестом. Продолжая говорить по мобильнику, он движением руки подозвал к себе незнакомца и следующим жестом дал знак подождать.

— Да, владыка, понимаю. От такого предложения трудно отказаться, – благодарно кивнул священник невидимому собеседнику. – Но кто будет присматривать за моим храмом так, как я? И помощник, и певчая опять отпросились к детям в город – готовятся к последнему звонку. Все, как понимаете, на мне... Да, скоро шестой десяток пойдет, но справляюсь... Хорошо, еще раз подумаю. Вы же знаете, мне знак какой-нибудь нужен.

Завершив разговор, священник погладил рукой свою бороду, поправил на голове скуфью и задумчиво посмотрел куда-то вдаль, поверх парня, но тут же, спохватившись, перевел взгляд на него.

— Извини, разговор с митрополитом Никодимом нельзя прерывать. Слушаю, мил человек. Кто таков и зачем пожаловал? Повседневные службы у нас не проводятся, предупреждаю на всякий случай.

— Я по объявлению. Вы сторожа искали. Могу поработать, пока что-нибудь получше не найду.

— Сторожем, говоришь? Любопытно, – прищурился батюшка. – Знаешь заповеди?.. Что-то сомневаюсь. Как звучит восьмая?.. Верно, не укради. А что же тогда носишь чужие вещи? Кроссовки явно на размер, а то и на два больше.

— Ловко вы, святой отец, заметили. Но это кроссовки моего друга. Он мне их сам подарил. А вы шестую заповедь знаете? – спросил с вызовом парень, уязвленный подозрением священника.

— К чему ты это клонишь?

— А то что видел раздавленное гнездо. И след от колес вашей «шестерки», что стоит за забором.

— Какой внимательный. Хочешь сказать, подловил батюшку? – нахмурил брови служитель церкви. – А вот нетушки. Во-первых, то была случайность, во-вторых, не равняй тварей со

своими ближними. Именно о них говорится в заповеди. Но хорошо, что ты ее знаешь. Так и мне будет спокойнее, – наконец улыбнулся священник. – Однако, один-один. Ты принят. Помощь мне не помешает. Иерей Филимон Платонов, настоятель здешнего храма. Ко мне можешь обращаться «Ваше преподобие», если официально, во всех других случаях – отец Филимон.

— Зло. Ой, тыфу, то есть Феликс Злобин, – протянул ладонь парень. – Зло – это погнало из детдома.

— Зло, говоришь? Ничего себе, кого я в храм пускаю, – проигнорировал жест настоятель. – Феликс – звучит лучше. Раньше удачливых и счастливых так называли. Мы с тобой потом познакомимся, когда узнаю получше, кто ты есть и чего стоишь... А в детдоме тебя не хватятся? Кстати, заповедям там научили, что ли?

— Все нормально, отец Филимон, уже сам по себе – мне почти девятнадцать лет. Да, там лечили нас поповскими правилами. И в результате я здесь, – развязно ответил Феликс. – Ненадолго, правда. Не прикалывают меня церкви, рассказы про ангелов и демонов. Фигня это все. Только дебилы убогие верят... Извините, к вам не относится, у вас работа такая. Каждый по-своему бабки делает.

— Ты сейчас отвечаешь за свои слова? – строго спросил священник и, не услышав ответа, продолжил: – Не первый раз слышу такое. Обычно так говорят, когда боятся, что это все может оказаться правдой. Либо хотят доказательств для подтверждения своей веры. И, конечно, получают их неожиданным образом. Убеждать ни в чем не стану – не мое дело. Но раз ты появился здесь, значит, серьезная причина привела сюда. Так, заболтал меня, – священник резко развернулся и пошел по церковному двору. – Пойдем, определим фронт работы.

Бодро шагая впереди, отец Филимон только успевал показывать рукой: дыра в заборе – заделать, засохший каравай на столе в беседке – птицам, дрова, требующие колки, пустое ведро и швабра для мытья пола в храме.

— Дрова-то зачем нужны? – Феликс пришел в полное уныние от количества заданий.

— Майские ночи холодные. Печь топить будешь. Другого отопления нет, – настоятель выждал немного, ожидая, что парень испугается бытовых трудностей и сдастся, но тот упрямо молчал. – Смотри, Злобин, весь порядок на тебе. Утром лампаду и несколько свечей зажечь надо. Кстати, сейчас поеду в город за свечами. К вечеру вернусь. И чтобы никаких неожиданностей!

Старенькие «Жигули» скрылись за перелеском, и новоявленный сторож, оставшись один, зашел в церковь, чтобы осмотреться. Внутри ничего ценного не было, на его взгляд. Кому нужен десяток старых деревянных икон и два больших подсвечника из латуни, которые даже в металлолом не сдашь – сразу спалишься. Еще большой старый бачок с надписью: «Святая вода». Кажется, нержавейка – это уже тема. При тряске в деревянном ящике для пожертвований бултыхались от силы пять-шесть монет. Лишь в столе при входе лежали пятьсот рублей одной купюрой. Короче, толком и сторожить-то нечего.

Присев на невысоком крыльце, Феликс нервно потербил нижнюю губу и тихонько пощелкал по зубам пальцами, издав что-то вроде мелодии. Послеобеденное время – а в животе пусто. Хитрый поп смотался, а чем питаться, не сказал. Что ж, может, дела отвлекут от этих мыслей.

Решено было начать с колки дров. Найденный возле груды поленьев топор с массивным лезвием заиграл в руке, взметнулся вверх и с силой опустился на толстый чурбан, едва не расколов его пополам. «Таким по голове заедешь – точно раскроит черепушку», – юный сторож уважительно рассмотрел инструмент. Он стоймя поставил чурку и прицелился для удара, который так и не последовал – просигналил подъехавший черный микроавтобус, похожий на транспорт ритуальной конторы.

— Чего гудишь? Доставка трупов? – весело загоготал парень над собственной шуткой.

— Да ты прямо вылитая Ванга, если не топор и спортивные штаны, – недовольно отозвался водитель. – Иди, помогай. Покойницу привезли на отпевание. Ты, вообще, кто?

— Э-э, чувак, я, конечно, сторож, но жмуриками здесь не распоряжаюсь.

— Все в порядке, пацан, настоятеля твоего в городе уже предупредили. Можешь позвонить и спросить.

— Но я его номер не знаю – первый день работаю. Да и не с чего мне звонить, – смутился Феликс.

— Как же ты без смартфона живешь? Скоро это будет считаться преступлением, – серьезно сказал водитель и рассмеялся, увидев растерянное лицо парня. – Да шучу я, шучу... Хотя, кто знает.

— Ничего, скоро у меня будет айфон. Последней модели, – по-детски хвастливо заявил церковный сторож.

— Ого, круто, завидую... Тут, пацан, вот какое дело, у старухи родных нет, платить некому. А у нас социально ориентированный бизнес, если ты понимаешь, о чем я. Бросить не можем, тем более что она еще какая-то там заслуженная. Привезли сюда – вроде как местная, жила раньше в селе. Надо бы отпеть, а мы с могилой подсобим на вашем погосте. Ей теперь все равно, где лежать. Лады? Ну, давай занесем тело в церковь.

Через несколько минут обитый красной материей открытый гроб с покойницей уже стоял на полу в храме. Крышка лежала рядом. Небольшого роста старушка со сложенными на груди руками выглядела умиротворенно. Ее портила крупная бородавка возле правого глаза. Она смотрелась чужеродным элементом на лице. Казалось, женщина в черном платье просто спит и вот-вот проснется. От такой мысли становилось не по себе.

— Что-то большеват гроб. А нельзя накрыть крышкой? – поинтересовался Феликс.

— Конечно, нет. Это делается перед захоронением. А гроб стандартный, хотя один из самых дешевых у нас, но на сто восемьдесят сантиметров. На вырост, так сказать. Нужно учитывать, что труп спокойно может вытянуться сантиметров на пятнадцать, – пояснил водитель ритуальной службы и протянул бумаги. – Так, тут даты рождения и смерти. Зовут Ираида Карловна Смирнова. Вероятно, была православной. Да какая разница, сейчас всех отпевают – крещеных и некрещеных, душегубов и самоубийц, даже могут самого черта. Главное, деньги плати... Так, вот здесь еще распишись, что принял груз. Ага, спасибо. Ну, бывай, пацан.

Микроавтобус ловко развернулся за калиткой и быстро умчался. В темном помещении храма остались двое – Феликс и покойница. Солнце уже приблизилось к горизонту, а отца Филимона все еще не было, и парень вернулся к колуну и чуркам, чтобы скоротать время за работой.

Бледный желтый диск, появившийся еще на светлом небе, побронзовел к вечеру. Облака, розовато-лиловыми мазками затянувшие горизонт, предвещали прохладную ночь. Под карканье ворон, охранявших высокие гнезда, медленно и бесшумно, как мираж, проехал внедорожник. Черная, без номеров, машина свернула с дороги и, крадучись, заползла за кусты недалеко от территории храма.

Аккуратно закрыв двери, две мужские фигуры в темных кожаных куртках не спеша направились к калитке. Один уже схватился за ручку, но после раздавшегося со стороны церкви крика передумал открывать. Он приподнялся на цыпочках над сиренью, пытаясь понять, что происходит.

Во дворе молодой сторож поспешно снимал спортивные штаны и замывал пятно на них под уличным умывальником. С рук капала кровь.

— Бес, что там? Говори, он здесь? – дернул высокого за одежду обделенный ростом напарник с горбатым носом.

— Вижу нашего парня... Зло тут. Ничего себе, у него все руки в крови... Короче, Вагитка, можешь звонить боссу.

— Э-э, мой телефон плохо ловит. Сам набери Жида, слушай.

— Сколько можно говорить, не Жид он, а Еврей, потому что Евреинов. Вот возьму и скажу ему. Обрежет тебя где нужно, чтобы поумнел. Вот почему я Бес? Потому что Беспалов. А ты почему Вагитка?

— Потому что Вагитов, наверное.

— Ну вот, докумекал наконец-то, – еле сдерживаясь от злости, пробурчал Бес.

— Но ведь можно по именам звать друг друга...

— Сразу видно, ничего ты не шарить. Придут с улиц бестолковые, а потом ездят с ними на серьезные дела... Ладно, сам позвоню Жиду. Тьфу, блин, Еврею.

Вызов на телефоне почти сразу сорвался. То же самое произошло и во второй раз. Бес сморщился и, зло ругнувшись, подошел к церковному забору.

— Ща дозвонюсь. Только отолю на святую землю, – глумливо заржал он, расстегивая ширинку.

Сзади отчетливо щелкнул ружейный затвор, и сообщники, как по команде, оглянулись.

— Ну и чего ты свою чебурашку выставил, мил человек? Прячь, а то останешься без нее, если еще раз оголишься на моей территории, – отец Филимон навел охотничий карабин на Беса, целясь ниже пояса.

— Спокойно, мукосый, я ничего не сделал. Что за беспредел? – испуганно забормотал Бес и быстро все застегнул.

— Еще пять секунд – и уже больше ничего не сделаешь, – пригрозил настоятель. – Вон отсюда!.. Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость.

— Э-э, поп, ты офигел, ружьем угрожаешь! Мы тебя достанем, клянусь! – крикнул изда- лека Вагитка, трусливо убегающий с сообщником в сторону спрятанного внедорожника.

На шум выскочил Феликс в трусах и ветровке. Увидев карабин в руках священника, он обомлел. Служитель церкви с оружием выглядел весьма грозно.

— Ваше преподобие, вы приехали. Ого, вы с ружьем. А что происходит? – насторожился юноша, оглядываясь вокруг.

— Это от диких тварей. Их немало здесь водится, – настоятель опустил карабин, поставив его на предохранитель. – А что происходит, тебе лучше знать. Ты же сторож. И откуда у тебя кровь на ноге? Все, догадался. Раньше не колот дрова, верно?

— Конечно, в городе такой фигней никто не занимается. Какой там топор – мы в детдоме даже чайник сами не разогревали.

— Да ничего сложного нет. Просто ноги надо ставить на уровне плеч, чтобы колуном не задеть себя по инерции. Хорошо, Феликс, что слегка посек ногу. Сейчас чистым перевяжу. Кре- стильные комплекты привез – придется одну рубашку использовать не по назначению. Хотя ты, можно сказать, рабочее крещение получил... Да, еще еду тебе передали из городского собора. Небось проголодался.

Забыв про боль в ноге, юноша схватил пакет с провизией. В нем лежал нарезанный хлеб, завернутый в салфетки, и стояла небольшая кастрюлька с едва теплой гороховой кашей и кот- летой внутри.

— И это все? – радостное выражение на лице Феликса сменилось брезгливостью.

— Надо же, какой привередливый, – покачал головой батюшка, накладывая повязку на ногу парня. – Тебя кормить-то еще не за что. Из всех обязанностей сделал капсю и то не всю. Ешь, что Бог послал, и не выделяйся. Меня в детстве отец как-то по темноте потащил утром на рыбалку и набрал с собой яблок, которые были разложены на балконе. Уже на речке, когда рассвело, мы решили позавтракать. Отец полез в рюкзак – а там... луковицы. Мать успела переложить яблоки в корзину, а на их место высыпала лук. Вот мы им и позавтракали – что-

то надо было есть. Мой родитель усвоил урок на внимательность, а я за свое смирение после этого ни разу не голодал. Вот так. Тут вполне полноценный ужин. И чем тебя не устраивает горох? Поел – и ходи попукивай, как говорил мой отец. Только не в церкви, конечно.

Проверив повязку, парень одобрительно кивнул головой и надел свои спортивные штаны. Он снова открыл кастрюльку и, немного посопев для вида, уже без всякой категоричности заработал ложкой.

Оставив Феликса в беседке, настоятель занес в храм привезенные вещи. В церковных окнах появился слабый свет от зажженных свечей. Послышался грохот падающей крышки гроба и досадливый возглас отца Филимона.

— Так, мил человек, быстро сюда! Будешь объясняться... Эх, не было у бабы печали, так купила порося... Я же просил, чтобы без всяких неожиданностей!

Феликс понял, что его обвели вокруг пальца. Никаких договоренностей с настоятелем не было. Но признаваться, что облажался, тоже не хотелось. Тут годная для других случаев несознанка не поможет, только контратака.

— А что вы хотели? Первый день на работе. Я ваших правил еще не знаю, – отвернулся в сторону сторож. – Сами, небось, учите любить ближних, доверять им. Вот и я поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.